

ДРАМАТУРГИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В ЛИТВЕ (1887—1918)

Б. МАСЕНЕНЕ

Имя Л. Н. Толстого тесно связано с развитием литовской культуры, в том числе и с развитием литовского театра. Освещение некоторых особенностей перевода и бытования драматургии русского писателя в досоветской Литве и составляет цель данной статьи.

Первые переводы драматических произведений Толстого на литовский язык появляются в конце XIX в., почти одновременно с переводами народных рассказов¹. В это время перед литовским театром остро встала проблема репертуара. Оригинальных пьес явно не хватало, поэтому возник особый интерес к зарубежной, а также к польской и русской драме. Сравнительно рано начинают переводить драматические произведения Пушкина, Гоголя, Чехова.

Литовский театр конца XIX — начала XX вв. — это сугубо народный театр, рассчитанный прежде всего на крестьянскую массу. Литовская драматургия, в основном изображающая сельскую жизнь, решала преимущественно просветительские и воспитательные проблемы, которые лучше всего можно было воплотить в комедийном жанре.

Тот же жанр представляли первые переводы классической русской драматургии. Очевидно под ее влиянием начала формироваться национальная комедия, — полагает литовский советский литературовед Й. Ланкутис². Перевод драматических произведений Л. Н. Толстого тоже начинается с комедии «Первый винокур или Как чертенок краюшку заслужил». Впервые на литовском языке она появилась в 1890 г. в ее первоначально прозаическом виде, довольно точно и образно переданном классиком литовской детской литературы П. Машётасом.

Первый перевод драматического варианта был напечатан в 1892 г. в газете «Ukininkas», № 10 («Укининкас») и скоро вышел отдельным изданием в Тильзите (теперь Советск), где после запрещения царскими властями литовской письменности (1865 г.) существовала литовская типография. Оттуда издания тайно доставлялись в Литву. Переводивший комедию сотрудник литовской печати, врач А. Лингис-Велиуонишкис выполнил работу в духе народного разговорного стиля. Его перевод верен оригиналу, только по существовавшей традиции русские имена были заменены литовскими. Такое «приближение» материала к литов-

¹ В 1887 г. появился первый перевод Толстого на литовский язык — рассказ «Упустишь огонь — не потушишь».

² J. Lankutis. Lietuvių dramaturgija. V., 1958, p. 192.

скому читателю было характерно для тогдашнего перевода (прозаического, поэтического и драматического).

Перевод и печатание пьесы отдельной книжкой свидетельствуют не только о нуждах литовского театра, но и о большой популярности творчества Л. Н. Толстого в Литве.

Комедия привлекла особое внимание литовской общественности и потому, что ее идейное содержание возбудило столкновение мнений в молодой литературной критике. Представитель консервативной печати публицист А. Каупас, высоко оценивая пьесу, на первый план выдвинул ее «полезность» для народа. Но демократ и просветитель И. Шлюпас в рецензии на перевод³ всецело отрицал «полезность» комедии. Для него была неприемлема морализирующая тенденция автора. Будучи атеистом, весьма критически относящимся к католическому духовенству, он полагал, что мысль Толстого о том, что человек нравствен тогда, когда имеет «краюшку», могла бы считаться верной, если бы речь шла о духовном сани...

Католическая газета «*Žemaičių ir Lietuvos apžvalga*» 1895, № 4 («Жемайтю ир Летувос апжвалга») словно возражая И. Шлюпасу, напечатала прозаическую переработку пьесы «Первый винокур», направленную именно на службу религиозной идеологии. Литератор К. Пакальнишкис заострил дидактические места оригинала, акцентируя второстепенные моменты, особо останавливаясь на эпизодах в аду с целью запугать читателей, ввел довольно много фантастических мотивов. Прозаическая переработка пьесы служит доказательством того, что драматургия Толстого использовалась в идейных и практических целях, среди которых служение национальному театру не всегда была главной.

В 1909 г. комедия «Первый винокур» вышла отдельной книжкой в переводе писателя-самоучки К. Стиклюса-Стиклялиса (1880—1962). В Литве это издание — библиографическая редкость. Сохранилось оно в Яснополянской библиотеке Л. Н. Толстого, куда его послал сам К. Стиклюс. На книжке написано по-русски: «*В литовском переводе «Первый винокур». Многоуважаемый старец! Жажду Вам всего хорошего на этом белом свете.*»

К. Стиклелис. В Вильне, Антоколь, 1.15 д. 09 г.»⁴

Видимо, в переводе К. Стиклюса пьеса начала свой путь в литовский театр. Впервые она была поставлена 25 октября 1909 г. в местечке Дебьяйкяй (Укмергский округ, Восточная Литва)⁵. По материалам литовской газеты «*Viltis*» («Вильтис») можно судить, что комедия вызвала большой интерес у сельского зрителя. Посетители спектакля, еще не привыкшие к «театрам», не всегда отделяющие действительность от вымысла, восприняли пьесу как картину нравов своего местечка. Некоторые артисты даже получили письма с предупреждением больше не

³ „Apšvieta“, 1892, Nr. 7/8, p. 540.

⁴ Опись библиотеки Л. Н. Толстого в Ясной Поляне на разных языках. М., — Архив Государственного литературного музея Л. Н. Толстого. «Описание библиотеки Ясной Поляны» с. 51.

⁵ В 1909 г. была еще одна постановка, но точная дата и место неизвестны.

играть в пьесе, иначе «без головы останутся»⁶. Но все же готовился повторный спектакль. В 1909—1910 гг. «Первый винокур», по всей вероятности, был поставлен 6 раз, а с 1909 по 1913 гг. — около 16 раз (некоторые даты обнаружены автором статьи в тогдашней литовской периодике, но цифра отнюдь не является точной).

Впоследствии в литовских газетах часто встречаются хвалебные отзывы о пьесе, указания на ее эстетическое достоинство и моральное воздействие. Произведение Л. Н. Толстого обошло почти всю Литву, возбуждая людей к добру и трезвости. Комедию «Первый винокур» в 1911 г. неоднократно ставила первая в Литве профессиональная, так называемая «летающая» труппа, под руководством талантливого режиссера Ю. Вайчюса. О широком распространении комедии свидетельствует и тот факт, что в 1918 г. ее приспособили к самодеятельной кукольной сцене (Кретингский округ, Западная Литва). Молодой крестьянин П. Календа, теперь известный народный скульптор, сделал больших деревянных кукол. У него был перевод «Первого винокура», до сих пор он помнит название, но уже не помнит автора. Пьеса в постановке кукольного театра имела большой успех: люди приглашали П. Календу и его друга, сельского музыканта Ст. Гедримаса, на крестины, свадьбы и разные торжества⁷.

Музыкальное сопровождение соответствовало желанию самого Толстого (П. Календа об этом, конечно, не знал), который незадолго до первой постановки пьесы в России в 1886 г. писал композитору В. С. Серовой: «... Мне нужна музыка к этой пьесе...»⁸ В. С. Серова написала музыку. Музыка для литовского «кукольного театра» не была специально написанной, а просто «сопровождающей», придающей темп, соответствующее настроение отдельным сценам. Возможно, что использовались литовские народные мелодии. Но приспособление «Первого винокура» к кукольному театру явление, видимо, редкое. У нас пока нет данных о подобной постановке комедии в самой России да и в других краях.

В конце второго и в третьем десятилетии XX в. комедия «Первый винокур» ставилась реже. Известно всего несколько постановок в Северо-Западной Литве. Свою воспитательную роль она уже сыграла и постепенно уступала место драматическим произведениям, соответствовавшим новым запросам литовского театра. В досоветской Литве пьеса ставилась около 35 раз. Заметим, что на родине Толстого вплоть до Октябрьской революции было запрещено ставить ее в народных театрах. Запрет, несомненно, относился и к литовской сцене, т. к. Литва входила в состав Российской империи, однако, будучи отдаленной от центров, она, по-видимому, иногда подвергалась менее строгому цензурному надзору. Тем более, что спектакли шли на литовском языке и автор часто не назывался. Таким образом, в Литве пьеса Толстого ставилась множество раз на народной сцене, не искаженная цензурой. Несомненно

⁶ „Viltis“, 1909, № 128.

⁷ Данные взяты из письма П. Календы автору статьи (23 ноября 1969 г.).

⁸ К. Ломунов. Драматургия Л. Н. Толстого. М., 1956, с. 310.

воздействие пьесы на формирование и развитие литовской реалистической драматургии и театра.

Другой переведенной на литовский язык и поставленной на сцене пьесой Л. Н. Толстого является драма «Власть тьмы или Коготок увяз, всей птичке пропасть». В 1899 г., т. е. через четыре года после официального разрешения ее постановки в России, появился свободный перевод драмы под названием «И дойдет козел до конца мостика». Имеются сведения, что известный литовский публицист, предполагаемый автор первой оригинальной литовской комедии «Америка в бане» А. Вилкутайтис (1864—1903) приступил к переводу около 1887 г., т. е. спустя год после появления «Власти тьмы» в XII томе собрания сочинений Л. Н. Толстого (1886). Сам А. Вилкутайтис учился тогда в Московском университете и внимательно следил за литературными новинками. Принимая участие в деятельности общества литовских студентов, А. Вилкутайтис увлекся мыслью перевести на литовский язык несколько произведений русской классики, он много и упорно работал над стилем.

Перевод драмы Л. Н. Толстого был опубликован в литовской либеральной газете «Tėvynė» («Тевине»), издаваемой в США. В том же году он вышел отдельной книжкой, но в ней были напечатаны только два акта, хотя «Tėvynė» неоднократно объявляла, что переведенная пьеса состоит из пяти актов. Существовал ли полный перевод? На этот вопрос трудно ответить утвердительно, ибо рукописи А. Вилкутайтиса не найдены.

В свободном переводе толстовская драма была приближена к литовскому читателю, к быту литовского села. Встречаются названия литовских местностей (Дегучай, Шлавантай) и целая строфа из литовской народной песни в самом начале I акта (в оригинале лишь указано, что женщины поют, а текста нет). Некоторые имена и фамилии переведены (например, Петр — Пятрас, Никита — Микас), некоторые заменены чисто литовскими (Матрена — Роже и пр.). Такое «приближение», очевидно, дало повод рецензентам полагать, что драма «И дойдет козел до конца мостика» является не переводом, а почти оригинальным произведением, в котором автор изобразил действительные происшествия в его родном селении⁹. Мы считаем, что «литовские элементы» лишь дань тогдашней переводческой традиции; главное, что в литовском тексте полностью сохранены толстовская идея, сюжетная ткань, диалоги (несколько сокращенные), характеристика действующих лиц и пр.

Перед А. Вилкутайтисом стояла весьма сложная задача, ибо переводить «Власть тьмы» труднее, чем пьесу «Первый винокур» или любой народный рассказ Толстого. Переводчик, прекрасно владеа русским и литовским языками, хорошо зная психологию крестьянина, особенности его речи, сумел передать индивидуальный толстовский стиль, мало отступая от оригинала. Остается лишь сожалеть о том, что характеристика перевода ограничивается двумя актами.

Можно предполагать, что «Власть тьмы» была известна в Литве и до появления перевода. Интеллигенты, молодежь, знающие русский язык.

⁹ „Vienybė lietuvininkų“, 1903, № 44.

познакомились с ней раньше. Произведение распространялось в Литве после его официального запрета царской цензурой. Сведения об этом находим в письме представителя литовской революционной поэзии И. Мачиса-Кекштаса. В 1888 г. он сообщал Андриюлайтису-Кальненасу: «На днях получишь «Власть тьмы» графа Л. Н. Толстого — она у нас запрещена... «Власть тьмы» подняла большой шум в Масколини и была запрещенной»¹⁰. Конечно, проникая таким путем в Литву, произведения Толстого были доступны лишь немногим.

В 1911 г. появился полный перевод «Власти тьмы», выполненный актрисой любительской сцены, занимавшейся и литературным трудом, М. Алитене (1886—1917). Впервые перевод опубликован в газете «Viltis» и вскоре вышел отдельным изданием.

К этому времени в оригинальной и переводной литовской драматургии можно условно выделить три направления: пьесы бытовые-реалистические, романтические и небольшое количество произведений о революционной борьбе пролетариата. Переводилось и ставилось много пьес польских авторов, популярными были Гоголь, Островский, водевиль Чехова «Медведь». Из переводов западноевропейской драматургии выделяется трагедия Шекспира «Гамлет», переведенная еще в 1907 г.

«Власть тьмы» естественно примкнула к кругу реалистических пьес, авторами которых были известные писатели-реалисты Ю. Жемайте, Г. Петкявичайте-Бите. Их произведения воплощали социальные конфликты, но не избегали поверхностности и морализирующей тенденции. Явно недоставало серьезных, актуальных пьес. Еще в 1909 г. газета «Lietuvos žinios» («Летувос жинёс») призывала писателей к созданию серьезных вещей, а если в ближайшее время это сделать невозможно, то следует переводить не «всякие водевили, но ... полезные, содержательные произведения»¹¹.

Полный перевод «Власти тьмы» и явился ответом на этот призыв. Однако в переводе М. Алитене специфические смысловые акценты оригинала доведены до минимума, сельский колорит, особенности крестьянской речи в переводе почти не чувствуются.

Литовская литературная критика встретила толстовскую драму настороженно — произведения критического реализма господствующей критикой не поощрялись. Ведь уже в начале XX века реакционная печать твердила, что нужно отвернуться от русского искусства, следовать примеру модернистской западной литературы. Бытовало мнение, что литовскому национальному духу чужд «натурализм» (с ним отождествляли реализм), следовательно, литовской литературе необходима ориентация на романтизм. Подобная мысль чувствуется в подтексте рецензии на перевод «Власти тьмы», авторами которой был «страшнейший из критиков», как его тогда часто называли, клерикальный деятель и поэт А. Якштас-Дамбраускас. В своих статьях он не считался с выражениями, строго придерживался догматических канонов «чистой эстетики», ратуя за искусство, раскрывающее идеальную красоту мира, сотворенного все-

¹⁰ J. Mačys - Kėkštās, Raštai, V., 1961, p. 240.

¹¹ „Lietuvos žinios“, 1909, № 24.

вышним умом. В драме Толстого он увидел лишь «чистый натурализм» и «недостаток эстетического чутья»...¹² В газете «Lietuvos ūkininkas» («Летуовс укинникас») неизvestный рецензент полагал, что пьеса является чуждой и непонятной литовскому народу, ибо «в Литве нет таких «властей тьмы» — условия не такие...»¹³. Даже либеральная литовская печать, которая порой не сомневалась в эстетических достоинствах толстовского произведения, сходилась в одном — в опасении морального, разлагающего, как она считала, воздействия пьесы на читателей и зрителей. Литовская литературная критика не поняла произведения Толстого, во многом расходящегося с оригинальной литературой, и слишком тенденциозно истолковывала его. Такая оценка «Власти тьмы» в Литве не является исключением. В самой России еще при жизни Толстого пьесу также называли натуралистической. Любопытно, что отклики литовской критики почти полностью совпадают с некоторыми оценками драмы во Франции, где обращалось внимание прежде всего на «мрачность» колорита и натуралистические элементы. «Это произведение, задуманное и выполненное как бы на эсхилловский и шекспировский лад, полно жестокости и непристойности, опять-таки на взгляд нашего французского зрителя. «Тьма» слишком тяготеет над всем», — писал А. Дюма-сын¹⁴. Не без влияния критики «Власть тьмы» ставилась гораздо реже, чем комедия «Первый винокур». Впервые она была поставлена в 1913 г. любительским театром общества рижских рабочих-литовцев «Giedra» («Гедра»). В самой Литве первая ее постановка Шяуляйским литературным и музыкальным обществом «Vaipas» («Варпас») состоялась в 1914 г. Режиссером был известный драматург Г. Ландсбергис-Жямкальнис (1852—1916). Он, как свидетельствует исследователь истории литовского театра В. Макнис, в самом начале работы над пьесой обычно подготавливал вступительную лекцию-чтение, подробно анализировал каждый персонаж, каждую сцену, ситуацию и пр.¹⁵. Несомненно, что такого рода лекция была прочитана и по драме Толстого «Власть тьмы».

Постановка «Власти тьмы» обществом «Vaipas» стоила больших денег. Жямкальнис требовал костюмов, соответствующих русскому национальному стилю. По поводу этого, теперь кажущегося столь незначительным вопроса, в газете «Lietuvos žinios» была напечатана его статья. Пьеса Толстого, — писал Жямкальнис, — «показывает русскую жизнь и русский дух, и показать такую сцену в литовских костюмах было бы то же самое, что Геновайте¹⁶ одеть в русский сарафан»¹⁷. Заботы Жямкальниса говорят о стремлении создать на сцене «иллюзию» русской жизни, но возникает вопрос, не свидетельствует ли это об увлечении

¹² „Draugija“ 1912, № 63, p. 280—281.

¹³ „Lietuvos ūkininkas“, 1911, № 49.

¹⁴ Цитируется по кн. К. Ломунова «Драматургия Л. Н. Толстого». М., 1956, с. 172.

¹⁵ V. Ma kn y s. Lietuvių teatro raidos bruožai, V., 1972, p. 262.

¹⁶ Геновайте — персонаж переведенной с польского языка пьесы, популярной в то время в Литве.

¹⁷ „Lietuvos žinios“, 1914, № 41.

лишь внешней стороной произведения? К сожалению, у нас нет сведений о театральном исполнении толстовской драмы обществом «Ваграс», но, видимо, натурализма, столь опасного для полной реализации авторской мысли, избежать не удалось, хотя сам Жямкальнис никогда не ограничивался при постановках пьес показом быта. Он требовал «вживания» в душу персонажа. В условиях любительской, а не профессиональной сцены это не всегда удавалось.

В том же 1914 г. пьесу поставило широко известное музыкальное общество «Даина» («Дайна»), где роль Анюты исполняла талантливая актриса О. Римайте. О спектакле широко информировала печать, появилась большая рецензия, оценивающая в основном актерскую работу. Постановка привлекла внимание еще и потому, что была посвящена редкому в те времена событию культурной жизни — открытию в Каунасе II национальной выставки.

В 1916 г. пьесу репетировала бруклинская труппа актеров-литовцев. 14 и 27 декабря 1919 г. «Власть тьмы» игралась в Каунасе на сцене первого в Литве профессионального театра Ю. Вайчкуса. В спектакле принимала участие и актриса А. Вайнюнайте-Кубертавичене. В ее дневнике драма характеризуется словами «страшна и трудна»¹⁸.

Была еще попытка перевести пьесу «Живой труп». Некий литератор К. Кристутис вручил законченную работу издательству, но перевод был очень слабым и не вышел из печати¹⁹.

Впоследствии, вплоть до 1940 г. (до восстановления в Литве Советской власти), интерес к драматургии Толстого стал угасать...

На заре становления национального театра литовские актеры и режиссеры прошли школу мастерства, участвуя в постановках толстовских пьес в городах России. Видный режиссер К. Глинскис играл во «Власти тьмы» на сцене Петербургского Малого театра (1911), позже он участвовал в инсценировке «Войны и мира»²⁰. Во «Власти тьмы» играл талантливый литовский драматург и режиссер Б. Даугуветис в период своей работы в Петербургском театре Суворина (1910). В 1913 г. он сам ставил пьесу «От ней все качества» в Петрозаводском Летнем театре²¹.

* * *

На основании собранного материала можно сделать вывод, что в Литве драматургия Л. Н. Толстого пользовалась наибольшей популярностью в период национально-освободительного движения (конец XIX — начало XX в.), когда, в связи со всеобщим возрождением культуры, возрождался театр, черпая в русской драматургии пример реалистического воссоздания жизни на сцене.

¹⁸ Из письма А. Вайнюнайте-Кубертавичене автору статьи (9 октября 1969 г.).

¹⁹ В 1912—1913 гг. переводилась и дважды издавалась пьеса Л. Н. Толстого «От ней все качества», но почти никакого отклика общественности не дождалась. Известна лишь одна ее постановка.

²⁰ A. Vengris. Kastantas Glinskis, V., 1965, p. 31.

²¹ I. Aleksaitė. Borisas Dauguvietis, V., 1968, p. 18.

Переводы и издания пьес Л. Н. Толстого отдельными книжками в течение всего анализируемого периода расширяли представление литовского читателя о творчестве великого русского писателя.

Март, 1973

Вильнюсский гос. университет
им. В. Касюкаса

L. TOLSTOJAUS DRAMATURGIJA LIETUVOJE

(1887—1918)

B. MASIONIENE

Re z i u m ė

L. Tolstojaus dramos kūriniai į lietuvių kalbą pradėti versti XIX a. pabaigoje. Labiausiai išpopuliarėjo ir buvo dažnai statoma mėgėjų scenoje komedija „Pirmasis degtindaris“. Neabejotinas jos poveikis lietuvių realistinės dramaturgijos ir teatro formavimuisi. Antroji, keliskart versta pjesė „Tamsos galybė“ lietuvių kritikos buvo sutikta gana rezervuotai, o ir statyta žymiai mažiau. Straipsnyje aptariamos abiejų pjesių pasirodymo lietuvių kalba aplinkybės, trumpai aptariama vertimo kokybė bei spaudos atgarsiai. Analizuojamos išverstųjų pjesių populiarumo bei nepopuliarumo priežastys. Pasinaudojant XX a. pr. lietuviškosios periodikos medžiaga, nurodomos L. Tolstojaus dramos kūrinų sceninio pastatymo ypatybės.

L. TOLSTOY'S PLAYS IN LITHUANIA

(1887—1918)

B. MASIONIENE

S u m m a r y

There is no special work on the dissemination of L. Tolstoy's plays in Lithuania and their influence on the Lithuanian national playwriting and theatre. This subject, however, is of interest for literary critics. The article deals with the problem of translation of L. Tolstoy's drama works and presents some notes on their life in Lithuanian theatre in the period of 1887—1918.